

Ю. Н. Солонин

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ЗНАНИЯ: МЕЖДУ СИСТЕМНОСТЬЮ И ЦЕЛОСТНОСТЬЮ

Проблема единства научного знания в XX веке превратилась в фундаментальную теоретическую проблему, в ряде случаев, как, например, в неопозитивизме, принимавшуюся в качестве основы философской программы.

Неоспоримо, что истоки ее нужно искать значительно ранее, она закономерно порождена всем характером научного мышления Нового времени и особенностями тех философских принципов, на которых оно покоилось. Философская традиция, особенно зависящая от Канта, рассматривала проблему, имея в виду науки, а не знание. Если в настоящей статье употребляется преимущественно последний термин, то этим выражается верность сложившейся у нас практике, в которой утвердилось дихотомия: говорят о классификации наук и о единстве знания. Таким образом, признается, что единство наук по сути производная от единства знания.

Все попытки XX века решить проблему единства знания, породив побочно множество интересных философских решений, оказались неудачными. Ни одна из них не имела шансов продемонстрировать свою убедительность и выдержать напор методологического скептицизма. Не случайно поэтому, современные рационалистические течения философии науки, возникшие в атмосфере критик сциентистского догматизма и связанные с попперовской методологической программой, по сути обошли эту проблему. Из этой полемики мы можем реконструировать один из важнейших доводов неразрешимости ее с позиций постулатов логического рационализма. В частности, указывается, что в противовес реальному динамизму научных изменений, делающему науку всегда открытой системой, логизм (неопозитивистского толка), стремится иметь дело с его готовыми результатами в виде идеальных логических форм, т.е. теориями как замкнутыми системами. Тогда проблема

единства приобретает конкретизацию логико-методологической задачи их кодификации, упорядочения и субординации на основе единых универсальных процедур и техник преимущественно логико-лингвистического характера. Единство знания эксплицируется как проблема единства его формальной системы, не зависимо от того, какая логика будет принята в качестве технического средства. При реализации программы единства решающее значение приобретал вопрос о возможности с помощью логико-лингвистических операций перевести выражения одного языка (теории) на язык другой теории и *vice versa*. Устранение непереводаемости путем построения модели более универсального логического языка также рассматривалось как позитивное решение проблемы единства. Несомненно, в проблеме единства знания присутствуют логический и лингвистический аспекты, но с целым рядом допущений и абстракций, практически уводящих от реальной предметной ситуации в сфере научного познания и развития знания.

Но этот критический аргумент не является основным. Его ценность в том, что он наводит на важное заключение, сводящееся к признанию того, что проблема не может быть в принципе решена на гносеологическом, и, менее всего, на логико-методологическом уровне.

Но как раз по этому пути шло большинство поисков в философии и методологии науки XIX и XX вв. Они были естественными проявлениями преобладающей гносеологической ориентации философии, при которой от вопросов как и какими средствами осуществляется познание произошел рационально незафиксированный сдвиг к проблеме сущности и объективного статуса того, что подлежит познанию.

При этом следует учесть, что познание некоторого объекта истолковывалось в духе идеи возможности его построения или конструирования. Конструктивность предполагает наличие двух важнейших составляющих, а именно: первичных элементов и принципов построения, Беркли и Кант кладут начало этому подходу. К началу XX века он предстает в двух версиях: психологической и формально-логической. Классическим выражением первой явилась эмпириокритическая теория Маха, но ее мы встречаем в прагматической, операционалистической или функциональной редакциях. Психическая конструктивность сводится в сущности к тому, что предмет трактуется как производный из психических компонентов, объединенных ка-

ким-либо законом мышления, которое само истолковывается как психический процесс, таковым может быть закон ассоциативности, или знаменитый закон экономии мышления.

Упомянутый нами функционализм, создателем которого явился Х.Файхингер¹, вообще предметность познавательной деятельности переводит в план условности: понятия о вещах созидаются в мышлении (теории) в предположении «как если бы» они существовали. И этот условный экзистенциальный статус предмета познания меняется, и, следовательно, меняется предметная структура мира, при изменении целей и задач познания. Программное изложение второй версии, то есть логического конструктивизма находится в трудах лидеров неокантианства марбургского толка — Г.Когена и П.Наторпа. Последний, например, всю программу математического естествознания, в лице теоретической физики, представил как идею конструктивного порождения ее понятий и соответствующих им объектов по законам некоторого логистического схематизма.² В известном смысле этот подход сохранился в феноменологии Гуссерля и, неожиданным образом, в идеях построения физики из логического материала, развитых в отечественной логике А.А.Зиновьевым.

Каковы бы ни были подходы, психологический или логистический, их объединяет главный момент — в истолковании онтологического статуса предмета познания (понятия) они исходят из его конструируемости. При преобладающей гносеологической установке на сущность предмета знания оперируют понятиями уровней обобщения, существенности знания, полной отражения сторон объекта, функциональными и объяснительными взаимозависимостями, логическими связями и переходами, широтой и универсальностью научных языков, элементарной составляющей знания и т.п. представлениями. Не вызывает сомнения, что подобный аппарат теоретических средств важен и необходим. Но то, что он вторичен, когда ставится вопрос о фундаменте единства знания, должно быть ясно осознано.

Существует еще одна тема, о которой следует напомнить. В русле гносеологического направления вызрела одна из популярнейших версий решения проблемы единства знания, исходящая из тезиса о решающей роли философии в интеграции знания. Ее начало мы встречаем уже с конца XVIII века. Ориентация на философию представлялась и представляется мно-

гим донныне вполне естественной, согласующейся с ее сущностью и тем исключительным местом, которое она занимает в культурно-познавательной деятельности. Сути дела не меняло то обстоятельство, что на первый план выдвигались различные представления о ее функции и месте в системе наук. Даже тогда, когда философии отказывали в статусе науки, сближая ее, например, с искусством — точка зрения, распространенная в начале XIX века, например, в Германии, — то и тогда за ней оставляли некоторую функцию согласования всего умственного кругозора. Традиционное представление о философии как «науке наук», в недрах которой покоятся фундаментальные принципы и истины, касающиеся всех наук и всего знания вообще, постепенно по мере ее распада, выделения из нее и конституирования как самостоятельных дисциплин того, что прежде было ее частью (социальная философия, философия права, моральная философия, философия искусств), уступало поискам ее специфики как науки. Можно указать на тенденцию утвердить статус философии как обосновывающей науки. Изначально понимавшаяся как учение о «наиболее первом» в познании, без чего «все иные науки не имеют своей основы и никакой правильности, и следовательно никакого действительно научного вида и ценности» (суждение Л.Круга в его «Философско-энциклопедическом лексиконе»), обосновывающая функция философии трансформировалась в учение о природе обоснования природы философского знания. Иную модель философии, как обосновывающей науки, мы видим в истолковании ее как *наукоучения*. *Wissenschaftslehre* у Фихте, Я.Шада, Б.Больцано, Р.Гроссмана и многих других. За общим понятием скрывались различные подходы. В отличие от Фихте, Б.Больцано истолковывал «наукоучение» в принципиально логическом смысле. Изменения смысла «наукоучения» выражались в различных трактовках, то как «науки о науке», то как «науки о знании», и наконец, современной «философии науки». Еще более известна линия истолкования философии как «строгой науки». Имелось в виду не стремление возвысить философию до уровня «точных» наук, каковы физика или математика, а утвердить ее как систему знаний, покоящихся на достоверных конечных принципах, по отношению к которым принципы остальных наук суть частные и субординированные им. Построение такой философии, если бы подобная программа удалась, в теоретическом отношении значило бы по сути

решение проблемы единства знания, поскольку их принципы оказываются дериватами принципов и положений философии. Эта линия ясно очерчивается с XVIII в. (К. Рейнгольд), ее прорывает вплоть до начала XX в. школа Я. Фриза (1773—1843), оказавшая влияние на математику XX века (Гильберт, Бернайс). В теоретическую практику был введен критерий «научности» как организации знания на достоверных принципах и философии как учения об этих принципах и способах сведения к ним конкретного знания, критерий, оказавшийся безразличным для концепции «научной философии» Венского кружка. Особняком от этой тенденции, гносеологической по сути, стоит гуссерлианская концепция «философии как строгой науки» с выражено онтологическим аспектом.

Возможно, что философское сопротивление дезинтегрирующим тенденциям в развитии наук и сыграло роль тормозящего фактора, но остановить их оно не смогло.

По нашему убеждению, проблема единства знания, если она имеет сущностный смысл, — проблема не гносеологическая, а проблема социокультурная и онтологическая.

Социум, культивирующий плюралистический принцип как нормативный регулятор своей организации, утверждающий приоритет индивида с его интересами и потребностями над приоритетами групповыми и общесоциальными, не может не создавать и не тиражировать тип мышления, признающий онтологическое и субстанциональное первенство единичного, частного и вторичность, производность, лишь функционально-прагматический статус общего, как «естественный» порядок вещей. Для такого мышления единство, целостность всегда относительны, всегда результат определенной техники видения предмета.

Представление, в котором реальность трактуется как механизм, как агрегат из отдельных частей, соединенных функционально, но обладающих определенной самостоятельностью, и каждая из которых свободно заменяема и может быть представлена и изучена вне общей связи, неизбежно рождает и утверждает примат частного как самоценность. Расколотому, разъединенному жизненному миру соответствует такое же представление о нем, концептуализирующееся своеобразным способом в представлениях о сущности научного знания и практике научного поведения. Мир, утверждающийся как совокупность частных и противостоящих структур, порождает и частного че-

ловека с частным мышлением, способного только на формирование частной стратегии для отдельных фрагментов жизнедеятельности. Атомизированному порядку жизни соответствует атомизированный духовный мир и покоящееся на нем частное знание. Единым это знание может только казаться в виде искусно построенной хитроумными приемами системы. Единство таким образом как бы искусственно навязывается, привносится в предмет. Устанавливается связь между изначально автономными единицами, для которых пребывать в этой цепи онтологически безразлично. Именно это и предполагает система.

Именно система как способ упорядочения онтологически независимых элементов, соединяемых по функциональному принципу, становится центральным понятием и целью всех интегративных усилий.

Система как экспликация идеи единого и единства лежит в самом основании мышления Нового времени. Социокультурные предпосылки дезинтеграции знания, конечно, не могут непосредственным способом объяснить конкретные явления и механизмы, вызывающие распад научного знания. Остается необходимость обратиться к характеристике самого исследовательского процесса и присущих ему форм, а также внутринаучных взаимодействий.

Учение об опыте или эксперименте, закрепленное надлежащими философскими аргументами, является основой современной науки. Оно составляет суть эмпирической философии. Опыт понимается как основной источник положительного знания, добываемого в эксперименте. Попытка Канта указать границы опытного знания не была воспринята позитивистской традицией XIX века и отчасти марксистской. Замечание Шеллинга, что непосредственный опыт не ведет к обретению категориального знания, аккумулирующегося в абстрактных понятиях, также не было услышано. Между тем он предупреждал, что эмпиризм весьма недостаточен для осуществления целей познания. Он имел в виду не отказ от опыта вообще, а необходимость переосмыслить чрезвычайно узкую и, что важно, психологическую трактовку его, господствовавшую в представлении ученых его времени. Шеллинг обращал внимание, что сфера опыта чрезвычайно богата и разнообразна, в то время как естествознание и связанная с ним философия притязают «на скудную и узкую область ничтожных, психологически понимаемых наблюдений и анализов». Примечательно, что аналити-

ки кризиса науки XX века, такие как М.Фришгейзен-Келер, Х.Динглер, Г.Якоби, К.Хольцкамп именно в неверном и зауженном понимании сути эксперимента усматривают один из источников ее кризиса. К.Хольцкамп обратил внимание на то, что тип эксперимента, утвердившийся в физике и химии, стал нормативным образцом и для тех наук, где он по сути неприемлем, т.е. оценивается как универсальный. С методологической точки зрения эксперименты в этих науках относительно легки и обладают внушающей самоочевидностью, что мешает ставить вопрос об основаниях и предпосылках произведенных эффектов и создает благоприятную почву для феноменализма, с точки зрения которого знание есть универсум определенным образом упорядоченных данных экспериментов. Вопросы о глубинных основаниях знания перестают занимать ученых, вытесняются проблемами совершенствования эксперимента и техники учета результатов. Утвердился культ частных проблем. Но феноменализм неизбежно ведет к еще одному существенному отрицательному результату. Вырабатывается убеждение, что за пределами эксперимента ничего иного не существует, что действительность есть то, что выступает в нем.

Система становится важнейшим критерием научности. Приемами системного анализа предполагается решать задачи единства знания. Итак, мы ясно видим господствующую философскую программу, которая сводит проблему единства знания к проблеме построения всеобъемлющей системы, упорядочивающей по избранным принципам весь универсум знания. Мы называем ее ламбертовско-кантовской программой. Ее отличительные черты: феноменалистичность, конструктивизм, формализм. Его недостатки выражаются в неизбежном элементе искусственности и произвольности. От него истекает представление о системном характере предмета знания как его объективном свойстве, в то время как система — это привнесенный аспект понимания или объяснения, а следовательно антропоморфный элемент познавательной установки на реальность. При этом подходе как бы конструируется дробность объекта, частям которого соответствуют специфические области знания, находящиеся по сути в формальной связи друг с другом.

Реальность не системна, а целостна. Системный подход не тождественен взгляду на мир как на целостность. Целое — это то, что не содержит механизмов сочленения своих частей или элементов, где нет «швов» от их соединений.

Решение проблемы единства знания прочно связано с изменением представлений о реальности, с фундаментальной перестройкой наших установок на понимание ее структурности. Только тогда произойдет преодоление феноменологизма, неотвратно присущего системному подходу.

Основания для формирования новой установки имеются. Таковой по нашему мнению, может быть программа, имеющая свои истоки в натурфилософии Гете, в его учении об органичности как сущности целого. Выразителями этого подхода в XX веке, если иметь в виду представителей рациональной философии, были В.Буркамп, О.Шпанн, М.Леше и др. Взгляды на мир как органическое целое мы находим и в трудах Н.О.Лосского. При этом следует подчеркнуть со всей определенностью, что учение об органичности мира как целого не имеет ничего общего ни с биологизаторством, ни с вульгарным витализмом. Эту программу, дающую новый подход к решению проблемы единства знания, мы называем эссенциалистской, противопоставляя феноменализму системного подхода. Помимо того, что согласно ее установки знание трактуется как органичная целостность, она утверждает принцип его предметной определенности. Главную причину неустранимой раздробленности знания можно констатировать как его деонтологизацию. Деонтологизация означает потерю глубинных интуитивных осмыслений и чувства предметной значимости того, что именуется знанием. Задача заключается в реонтологизации науки, в том, чтобы утвердить онтологические основания знания, заменить формальную логико-аналитическую критику его опытом нахождения его онтологической значимости, т.е. вернуть ему предметность.

Единство знания не в его системности, а в его целостности как органичной взаимоопределенности его частей. Именно тогда, когда оказалась потерянной интуиция фундаментальности, когда было разрушено чувство предметности того, что есть знаемое, проблема его единства неизбежно перешла в план формальных построений, в которых таблицы и графики взаимопереходов и функциональных связей становятся решающими средствами доказательства. Доказательство такого рода есть по сути наглядная демонстрация, иллюстрация. Такой подход уже исходно оперирует несопоставимыми, замкнутыми в себе блоками знания, т.е. уже структурно расчлененными единицами, ставшими основами формальных процедур.

Обретая принципы иного миропонимания, мы получаем возможность создать новый тип наукоучения, который решает проблему единства знания, как проблему создания его нового типа, а не как нахождение нового систематизирующего приема.

© Ю.Н.Солонин, 1996

Солонин Юрий Никифорович, доктор философских наук, декан философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Примечания

1. *Vaihinger H.*, Die Philosophie des Als-Ob. Berlin, 1911
2. *Natorp P.*, Die Logische Grundlagen der exakten Wissenschaften, Leipzig-Berlin, 1910